

НАДЕЖДА СЕВОСТЬЯНОВА

Магическая шаль, или Шальная магия

Надежда Севостьянова Магическая шаль, или Шальная магия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62884223

ISBN 9785005164827

Аннотация

Книга о парадоксальном и абсурдном мире театра, в котором действуют мистические силы. История режиссера, ищущего выход из творческого тупика, а вдохновение он находит на блошином рынке...

Содержание

МАГИЧЕСКАЯ ШАЛЬ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Магическая шаль, или Шальная магия

Надежда Севостьянова

© Надежда Севостьянова, 2020

ISBN 978-5-0051-6482-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАГИЧЕСКАЯ ШАЛЬ

Весь мир – психушка, а люди в нём безумцы.

Репетиция шла уже несколько часов. На сцену выходили один за другим актёры нашего театра и читали знаменитые монологи всем известных персонажей. Читали хорошо, и только. Никита каждый раз морщился, когда актёры произнося монологи, даже не пытались хоть чуть-чуть добавить что-то от себя, от своей натуры. А натурой обладали все. Никита ждал сюрпризов, а их не было и в помине.

У Никиты был замысел, но не было пьесы. Мой муж – режиссёр средней руки, это моё определение его талантов. Я – реалистка, но я очень люблю Никиту и никогда не скажу ему правду. Я на пару лет старше и на ту же пару мудрее.

Никита никогда не делится со мной своими замыслами, я получаю уже готовый результат и реагирую всегда одинаково, восторгаюсь, я не хочу стать ему врагом. Врагов у него и так хватает, вот они-то и скажут ему всю правду, они за это деньги получают.

Поэтому, сидя сейчас рядом с Никитой в зале, я просто наблюдала за процессом. В какой-то момент Никита обернулся ко мне с выражением: «Ну ты видишь, видишь, какие бездари?» Я так не считала, актёры хорошие, но просто режиссёр не поставил им внятную задачу и это – вина Никиты.

Но ни один режиссёр не признает её. А пока Никита демонстрировал полное бессилие, да и то сказать, если не знаешь, что хочешь, как можно сформулировать посыл актёру, чтобы тот понял, «чего ж тебе надобно, старче?»

Я была на стороне актёров, я вообще их очень жалею. Учитывая, что им иногда приходится играть, так им надо «ордена вешать», потому что, это – подвиги, подвиги идиотизма. Смотреть на их мучения иногда просто невыносимо, испытываешь настоящие моральные страдания. Можно, конечно, выйти из зала, но не хочется обламывать кайф соседям, а вдруг рядом со мной сидят садомазохисты, ведь именно для них и ставят подобные зрелища.

В одном спектакле по пьесе классика актрисе пришлось два часа ходить, трясясь, как в лихорадке, по сцене, не произнося ни одного слова, при том, что роль была из главных, к концу действия я еле удерживала себя от того, чтобы не принести актрисе воды, хотя бы газировки из буфета.

Я подумала тогда, ведь она потом придёт домой и хорошо, если дома у неё только муж, его не очень жалко, у него судьба такая – муж актрисы, но ведь могут быть и дети, им-то за что страдать.

Спектакль, конечно, признали гениальным, кто бы сомневался. Вообще современные режиссёры считают всех зрителей недоумками и дебилами. Недоумки ещё в силу возраста не добрали ума, то бишь опыта, а дебилы – это диагноз, который, как известно, не лечится.

Вследствие всего этого, если, ставя классическую пьесу, режиссёр оденет их в костюмы соответствующей эпохи, декорирует пространство сцены соответственно времени действия, то зритель погрузиться с головой в нафталин и замшелую рухлядь. По мнению режиссёра, зритель не переварит ушедшую эпоху, у него не хватит воображения. Помому, всё дело в том, что режиссёр транслирует свою творческую импотенцию, скудоумие и бедность фантазии, а главное, свои, глубоко спрятанные, психо-физиологические проблемы, на бедного зрителя, «без вины виноватого».

О «вкусной» актёрской игре все уже давно забыли. Теперь у нас не актёрский, а режиссёрский театр. Режиссёр, часто сам актёр никудышный, пытается объяснить артистам изломы своей больной фантазии, доводя их до потери ориентации во времени и пространстве.

Результаты этого процесса можно увидеть на разных сценах, в том числе и на нашей. Вы спросите, а какая моя роль? Я всего лишь директор и влиять на художественный процесс не могу. Я могу только восхищаться, такова участь всех жён творческих мужей. Вину свою чувствую, но сделать ничего не могу.

– Нет, это никуда не годится, – сказал раздражённо Никита, – бездари, одни бездари.

– Милый, по-моему, не так плохо.

– Ужасно, – это, скорее, было обращено к себе, но Никита никогда в этом не признается.

Я по образованию специалист в области театрального менеджмента, поэтому вмешиваться в творческие мучения мужа у меня нет никакого желания, я себе не враг. Я чистый зритель и очень благодарный, хотя меня в последнее время театры не балуют.

– Нет, нужен перерыв, кардинальный, мне надо уехать в творческий отпуск, хоть на неделю, хоть на два дня, – Никита посмотрел на меня с мольбой.

– Конечно, дорогой, никаких проблем, – я подумала, неужели я не могу устроить своему мужу то, что он просит, да просто по благу, в лепёшку расшибусь.

– Поедешь со мной?

– Зачем я тебе? В одиночестве лучше думается.

– Я хочу за границу, а там я как-то теряюсь, я хочу просто думать и наблюдать, а в бытовых мелочах, ты знаешь, я – ребёнок.

– Хорошо, попробую.

Хотя вдвоём драпануть в разгар сезона будет трудновато. Но, ежели я за что берусь, то разбегайтесь черти по подвалам.

* * * * *

Не прошло и недели, как мы гуляли с Никитой по Барселоне и купались в атмосфере города-праздника. Это банально, но, как всё банальное, это – чистая правда.

Барселона фейеричный город, только не спускайтесь в метро, вот где реально начинаешь гордиться родным мос-

ковским метро. Но не будем отвлекаться.

Когда оказываешься за границей, первое, что ты ощущаешь, это совершенно необъяснимое чувство другой неведомой жизни, здесь всё другое: воздух, звуки, атмосфера. Всё это на абсолютном подсознании, это невозможно объяснить словами, это надо прочувствовать.

Лично мне достаточно утром проснуться в простенькой гостинице на три звезды, выглянуть в окно, которое выходит во внутренний дворик-колодец или на улицу с её ароматом и настроением. Потом зайти в кафешку и заказать простое блюдо и запить всё это пахучим кофе.

А потом пойти шататься без цели, вглядываясь в людей, заглядывая в окна, пытаюсь постичь чужую жизнь и никогда не мочь её постигнуть. Не надо питать иллюзий, мой милый Никита.

Где-то на второй или третий день мы набрали на небольшой «блошиный» рынок. На одном из прилавков я увидела безумно красивую шаль. Только потом я поняла, что безумной была не только шаль, но и сама мысль её приобрести.

За прилавком сидела весьма объёмная женская фигура, причем, спиной к покупателям. «Какая милая доверчивость,» – подумала я. «Фигура», кажется, кушала, именно: не ела, а кушала, судя по звукам, исходившим из-за спины, чмоканье, чавканье. Они не вызывали негатива, наоборот, у меня даже слюньки потекли, всё-таки после завтрака прошло прилично времени.

– Здравствуйте, – почему-то сказала я, хотя мы, на минуточку, находились в Барселоне.

Фигура вздрогнула и я услышала звук чего-то шлёпнувшегося на землю, это, видимо, была еда, которую с таким смаком поглощала торговка. Тут она стала медленно и угрожающе разворачиваться, примерно так разворачивается ледакол, я замерла. Лицо, которое предстало перед нами не предвещало ничего хорошего, захотелось убежать. Но вдруг лицо заметило моего мужа Никиту и произошло волшебное преобразование. Такой лучезарной улыбки у кого-либо я не припомню. Улыбка обнаружила все тридцать два гигантских зуба, настолько безупречных, что я невольно залюбовалась. Вот только определить, свои это зубы или искусственные, было трудно. Это означало только одно: или перед нами феноменально здоровое существо преклонного возраста или это – чудаковатая миллионерша, которая развлекается торговлей на рынке.

– Здоровеньки булы, – неожиданно выдала «фигура».

От неожиданности мы опешили.

– Мадам, Вы очень удачно зашли. У меня есть для Вас вещь, которая убьёт Вашего мужа наповал, когда Вы её оденете.

– Я не хочу убивать своего мужа и я уже выбрала, я хочу вот эту шаль.

– Ну что ж, Мадам, это был Ваш выбор, – прозвучало угрожающе.

– Сколько Вы просите за неё?

– Прошу? Что Вы, Мадам, я ничего никогда не прошу, если я не ошибаюсь, какой-то ваш писатель сказал: «Никогда ничего не просите, сами придут и сами всё дадут». Так вот, Мадам, я совершенно с ним не согласна, никто не придёт и ничего Вам не принесут. Вы согласны?

– Пожалуй, да.

– Вот видите, Мадам, как много у нас общего, – при этом она пронзила моего Никиту убийственно чарующим взглядом. Я начала нервничать.

– И, всё-таки, сколько стоит эта вещь?

– Ничего не стоит, как и любая другая вещь. Это всего лишь красивая тряпка. Но ведь Вы даром не возьмёте?

– Конечно, нет. Я готова заплатить, нет проблем.

– Я счастлива, что у Вас нет никаких проблем, – она опять посмотрела на Никиту. – Тогда вот Вам моё слово. Пятисот, – сказала она, как припечатала.

– О! Это дорого, нельзя ли подешевле?

– Подешевле? Мадам, я не ослышалась? Признайтесь, что Вы слукавили, когда сказали, что у Вас нет проблем, – она опять посмотрела на Никиту. – Хорошо, учитывая, что у вас военное положение, я сделаю Вам предложение, от которого Вы не сможете отказаться.

– У нас в стране нет войны.

– Но я не имела вашу страну, я имела вашу семью.

– В семье у нас тоже нет войны.

– Жаль... Но не расстраивайтесь, сейчас нет, потом будет, это неизбежно. Я хотела сделать Вам колоссальную скидку, я хотела отдать Вам даром, за пятьсот пятьдесят!

– ?!! Но мы же начали с пятисот!

– Да, начали, но главное, как мы кончим. Не волнуйтесь, Мадам, мы с Вами кончим хорошо, очень хорошо. Всем будет приятно, и Вам, и мне.

– Тогда скиньте.

– Ну... раз Вы настаиваете..., что ж, я могу, но если я скину, то вы вряд ли будете рады... Я стара жинка, всё-таки, мне почти семьдесят пять, но вы же никому не расскажете? Конечно, в молодости я часто скидывала и знаете никто не жаловался. Последний раз я скинула перед Мосей, он сразу сделал мне предложение. Вы спросите, пожалела ли я об этом?

– Нет, не спросим. Никита, всё, я больше не могу, пошли.

– Нет, нет! Мадам, всё, я поняла, сейчас Вы будете очень довольны, правда. Вы не верите? Вот Вам моё последнее слово. Приготовьтесь обрадоваться, Мадам... Пятьсот! А? Ведь Вы не ожидали, не ожидали? Я так и знала. Не надо меня благодарить. Носите на доброе здоровье и вспоминайте Халду! Меня зовут Халда. Куда же Вы, Мадам!?

Халда перегнулась через прилавок, не вставая, и схватила меня за подол.

– Вам и это дорого? Но если бы вы знали, как это дорого мне. Это подарок моего незабвенного мужа Моси, царствие

ему небесное!

– Как?! Это подарок Вашего покойного мужа? Зачем же Вы продаёте?

– Покойного, Мадам? Разве я сказала, что он умер?

– Но Вы пожелали ему царствия небесного.

– И что? А разве Вы не пожелали бы своему мужу царствия небесного? Как говорится, дай Бог каждому.

– Но этого желают только покойникам.

– И напрасно! Если бы этого желали живым, очень многие не оказались бы там, где они сейчас... Вы понимаете? Всё надо делать вовремя, Мадам. Вот Вам, например, я его искренне желаю, Вы мне очень понравились, я Вас даже любила.

– Но я не куплю такую ценную для Вас вещь, я не могу.

– Хорошо, Мадам, Вам я как на духу признаюсь. Мося изменил мне, подлец, чтоб ему гореть в аду. И теперь, я продаю всё, что он мне подарил, а именно: эту шаль. Всё, Мадам, я открыла Вам свою главную тайну. Но Вы ведь никому не расскажете. Вот, Мадам, моё самое последнее слово... Назовите Вашу цену! Сколько Вы хотите, я на всё согласна, Вы же меня не обидите? Вы не обидите Халду? Меня так зовут.

– Вы уже говорили.

– Да? Разве? Вот видите, Мадам, и с памятью у меня... Не осталось её почти. Так сколько Вы хотите за эту замечательную вещь, скажите, не мучайте Халду, я на всё согласна, говорите, не щадите меня, меня никто всю жизнь не ща-

дил. Говорите, не бойтесь, лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

В этот момент я почувствовала, как Никита сжал мою руку, я увидел на лице мужа лукавую улыбку, он уже как настоящий режиссёр «прозревает» представление, которое он перенесёт на сцену. Чёртов художник! Всё в дело? Да? А я, похоже, останусь без шали.

– Почему Вы молчите, Мадам? Вы думаете? Это правильно. Думать очень полезно, только не долго. А почему Ваш муж, не знаю Вашего имени, молчит как живая скульптура на Рамбле.

– Его зовут Никита, – опередила я мужа. – Я предлагаю пятьдесят.

Халда застыла с открытым ртом, она, наверное, подумала, что ослышалась. Через секунду она обмякла.

– Ну да, – сказала она очень грустно, со слезами в голосе, – я, наверное, очень плохо выгляжу, я, конечно, понимаю, возраст и всё такое, – она подпёрла голову рукой и замолчала.

Мы с Никитой смотрели на неё и не могли сдержать восхищения. Вот это класс! Никита просто наслаждался. Я поняла, что мы отсюда не уйдём никогда.

– Ну, Мадам Халда, Вы не расстраивайтесь, я согласна на шестьдесят.

Халда подняла на меня глаза и я увидела в них такую тоску, что мне стало не по себе, я почувствовала себя инквизитором Торквемадой.

Никита явно ждал продолжения, он его предвкушал. И дождался.

– Господа, вы были когда-нибудь в Одессе?

– Не приходилось, – Никита включил свой «компьютер», память у него отменная.

– Это город моего детства, я в нём родилась. Между прочим, вы не поверите, своей жизнью я обязана вашему Сталину. Я вас удивила? Хотя вы слишком молоды, откуда вам знать? А, кстати, вы любите Сталина?

– Конечно, нет, – говорила только я, Никита замер, он записывал всё на свою мозговую ленту. Она у него бесконечная, как только в черепе помещается.

– Я тоже, очень. Он стёр в «пыль» моих родителей, но против правды не попрёшь. Я живу только благодаря ему. Моя мамочка не хотела меня рожать. Папочку забрали в чеку, она осталась одна, к тому же – жена врага народа. Добрые соседи настучали, куда надо, и мамочке сказали, что, если она сделает аборт, её посадят в тюрьму. Она родила и её-таки всё равно посадили в тюрьму. Сталин запретил всем женщинам аборт. Война унесла тьму тьмуцую народа и ему были нужны крепостные.

Тут Халда как будто встрепенулась, на лице появилась знакомая улыбка.

– Меня спас мой любимый Мося. Вообще-то его зовут Михель, он – испанец. Он взял меня с собой в Испанию, когда начались послабления. Мосю вывезли из Испании ребён-

ком, когда там была гражданская война. Что-то я разболталась, вам это не интересно. Это никому не интересно. Молодой человек, я дарю Вам эту шаль. Только не берите в голову, я абсолютно нормальная. Просто, Вы подарите её Вашей жене. Подарки должен делать мужчина. Мне будет приятно, запомните тётю Халду.

– Спасибо большое, мы Вас никогда не забудем.

Халда махнула рукой.

– Вот это лишнее, я что, буду теперь всё время икать?

Мы засмеялись. Попрощавшись с этой замечательной женщиной, мы прошли к соседнему прилавку и обратились к продавцу, седому и колоритному испанцу, настоящему идальго.

– Скажите, а что это за женщина торгует рядом с Вами?

– Так это же Халда Голд, «золотая Халда», она сидит тут уже двадцать с лишним лет, с тех пор, как умер её муж, но она всем говорит, что он жив, она живёт в своём мире и там все живы. Она очень богата и ни в чём не нуждается. Правда, она парализована, не ходит. Её сын каждый день привозит сюда. Она всё раздаёт даром, но берёт за это только одно – беседу. Вас она ещё пощадила. Бывало, что люди, которые ей не особенно симпатичны, падали в обморок, такой у неё острый язык. Признаться, мы так к ней привыкли, что не знаем, что будем делать без неё, если что.

* * * * *

Сидя в соседней кафешке, мы время от времени прини-

мались смеяться. Окружающие, наверное, думали, что мы не в себе, смеёмся без причины. Но причина была, я смотрела на Никиту и чувствовала, что он почти счастлив, я ощущала кураж, который он поймал, я узнавала зуд, проснувшийся в нём, когда замысел начинал обретать конкретные очертания в образах и характерах, которые он перенесёт на сцену.

Никита не сразу стал режиссёром. По образованию он – технарь, закончил Химико-технологический Институт, но уже там проявилось его сильнейшее гуманитарное начало. В годы застоя он фанатично занимался «самиздатом», на оборудовании института он с друзьями нелегально издавал запрещённых писателей, особенно любил обоих Ерофеевых, был с ними знаком. Они его любили, но как-то свысока. Он сам себя так поставил, Никита преклонялся перед ними, себя считал бездарным. Мне с большим трудом удавалось внушить ему мысль о его самоуникальности. И это были не пустые слова. Его «Баллада о сперме» до сих пор ждёт своего издателя. Мне было обидно за него, в присутствии «метров» – диссидентов он выглядел мальчиком на подхвате.

Именно Никита познакомил меня с Ерофеевыми. С автором «Московской красавицы» мы встретились после встречи с авторами знаменитого сборника «Метрополь» в одном из клубов на окраине Москвы. Ерофеев очень сильно заикался и слушать его было трудновато, даже не помню, о чём

он говорил. Очаровал же меня поэт Евгений Рейн, огромный, колоритный и очень по-мужски красивый мужчина, я не особо пристрастна к поэзии, но его я слушала, как замороженная, у него была абсолютно не советская внешность.

Ерофеев появился со своей очередной женой, иностранкой. Никита представил меня как переводчицу с французского, что было неправдой, мой уровень французского позволял переводить что-либо только со словарём. Тем не менее, Никита предложил меня Ерофееву как потенциальную переводчицу, ни много ни мало, романа Маркиза де Сада, что было чистой профанацией. Всем это было ясно, но все делали вид, что это вполне возможно.

Просто Никита хотел хоть чем-то быть полезен «гению», он так считал на полном серьёзе. Я тогда почувствовала, что Никита не должен так унижаться. «Московскую красавицу» я потом прочла, но, хоть убейте, ничего не помню.

А вот Венедикт Ерофеев – это совсем другой персонаж. Когда Никита предложил мне съездить к нему домой, мне было всё равно, с мужем я готова была ехать куда угодно.

Очередной «гений» жил в многоэтажной башне и пока мы поднимались в лифте на нужный этаж, целовались с Никитой, как сумасшедшие, я еле успела вынуть жвачку изо рта, правда, выбросить я её не догадалась, наверное, хотела ещё использовать и это стало настоящей проблемой, потому что она нагрелась и прилипла к пальцам так, что оторвать её было невозможно.

Выйдя из лифта, мы натолкнулись на группу женщин нездешнего вида, это оказалась делегация из Канады. Они вышли из квартиры Ерофеева. Мы разговорились и выяснилось, что это наши соотечественницы, эмигрировавшие несколько лет назад в Канаду. Мы спросили, не жалеют ли они об этом. «Жалеем, – был ответ, – что не уехали раньше» и они весело засмеялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.